

Проблема изучения неоконченного произведения всегда привлекала внимание исследователей, размышлявших о различных редакциях известных произведений, о публикациях отрывками и о собственно неоконченных текстах (об этом в литературоведении неоднократно шла речь, к примеру, в связи с творчеством А. С. Пушкина, А. Белого, М. А. Булгакова, А. А. Ахматовой и др.)

В данной статье ставится задача осмыслить статус неоконченного произведения как органическую часть авторского метатекста на примере функционирования в текстах И. С. Шмелева концептуально-значимых лейтмотивов.

Относительно феномена незаконченного романа И. С. Шмелева «Иностранец» на примере анализа структуры романа его своеобразие убедительно показано А. Мартыновым [4].

Роман «Солдаты» писался в Капбретоне в 1925 г. И. С. Шмелев писал о нем в 1929 году, 25 мая, другу офицеру-инвалиду К. С. Попову: «Сейчас приступил – и плотно, кажется, – к великой (по размерам) работе “Солдаты”, где постараюсь не только дать **Солдата**, русского солдата-офицера, но пушу перышко погулять по всей России, по многим несолдатам; когда солнце сияет гуще, виднее, – тени» [2, I, с. 5].

Ю. Кутырина писала: «Все же к “Солдатам” И. С. Шмелев возвращался и написал еще шесть глав, являющимися и самостоятельными этюдами. В последний год жизни И. С. мне не раз говорил, что хочет взяться вновь за роман, расширить его тему. И закончить.»

В интервью в 1932 году И. С. на вопрос – «Почему не продолжается роман “Солдаты?” – ответил: “потому что я приостановил его. Мне показалось тогда не под силу дальнейшее развитие моей темы. Роман должен объять необъятное...”» [2, I, с. 4].

Роман этот вызвал серьезную полемику в эмигрантской прессе, глубоко проанализированную А. Мартыновым, справедливо уверенным в том, что, «несмотря на свою незавершенность и некоторое стилистическое несовершенство, роман остается значительным этапом в творче-

стве Шмелева. Его исследование позволяет конкретизировать историю эволюции сквозных тем в поэтике писателя, а также помогает лучше понять шмелевскую картину мира и характерные для этого автора механизмы работы над текстом» [5, с.341].

Стоит в начале наших рассуждений привести и толкование автором смысла заглавия романа. *«Мои “Солдаты”, – не только военные, – я к ним в будущем причислю, вообще всех тех, кто стоит за свою идею: журналистов, писателей, общественных деятелей и просто сильных духом русских людей. Получается не роман, а целая эпопея. Широта горизонтов меня смутила...»* [1, с. 5]. (Курсив мой. – В. 3.)

Таким образом, замысел писателя был грандиозен, из него следует, что предполагалось огромное эпическое полотно, – как нам представляется, напоминающее картину М. Нестерова «На Руси. Душа народа» (1914–1916).

Имея возможность осмыслить лишь относительно небольшую часть написанного романа, отметим и год его создания: 1925-й. Это – уже после огромного свода произведений дооктябрьской прозы, после – «Солнца мертвых», но – до «Богомоля» «Лета Господня», «Путей Небесных» и других известных эмигрантских сочинений. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что в романе «Солдаты» можно обнаружить любимые автором мотивы произведений прошлых лет, и – проецирование концепции будущих, еще не написанных творений. Разумеется, в последнем случае речь можно вести об интуитивно-прозреваемом, имплицитно выраженном смысле. Обращение к тексту романа не обманывает нас в таком предположении, – хотя именно этот роман у Шмелева отличается неведомой автору ранее высокой степени открытого прямого выражения своих взглядов, чаще всего через образ капитана Бураева, положительного героя, в котором Шмелев сконцентрировал многие прекрасные черты русского человека.

Действие романа разворачивается в дореволюционной России, преимущественно в провинции, где стоит полк главного героя романа – капитана Бураева. Этому образу автором уделено внимания более всего. Совершенно очевидно, как это заметила еще эмигрантская критика, «офицеры, главным представителем которых является капитан Бураев, были носителями военного и национального чувства с определенным и настоящим понятием о чести». [2, I, с. 4]. Полагаем, здесь очевидна типологическая сходность героя романа «Солдаты» с образом Васи Коврова из романа «Няня из Москвы». Как точно было замечено С. В. Шешуновой, Вася Ковров, участник ледяного похода, становится в романе героем, олицетворяющим «мужское благородство» [10, с. 38].

Подобными лейтмотивами – *«настоящего понимания чести», глубокого национального чувства* – роман генетически связан и с известным рассказом начала Первой мировой войны – «Лик скрытый». Заметно типологическое родство образов капитана Бураева с образом капитана Шеметова из рассказа. Получается в некотором смысле соотносительное читательского восприятия с кинематографическим эффектом «вспышки назад»: только здесь это – и вспышка вперед: *таким*, как Шеметов, непременно должен был стать в годы войны капитан Бураев. Шеметов, как мы знаем, был ценен за храбрость, за добросердечное отношение к солдатам, в своих собственных исканиях духовных пытался найти разгадку происходящего, обращаясь к христианской вере. «А моя Россия, – с горечью говорил капитан своему попутчику, – мой бедный народ, он меньше всех виноват в этой “мясной” вакханалии... И я стараюсь, чтобы моим выпало на долю меньше гвоздей» [11, с. 24].

Справедливо наблюдение Т. С. Репиной: «В ходе анализа романа “Солдаты” выделяется мотив, характерный для многих произведений Шмелева и получивший здесь особое раскрытие, – *осознание смерти как достойное завершение земных дел и принятие воли Господней*» [8, с. 18]. (Курсив мой. – В.3.)

Первая глава романа «Солдаты» названа «Перед войной». Уже в самом начале капитан Бураев представлен как отец солдатам, с взаимно теплым отношением их к себе: «Вышел перед ротой, окинул зорко и улыбающимся нестрогими синими глазами, за которые еще в училище прозвали его “синеоким мифом”. И рота внутренне улыбнулась, вытянулась к нему и гаркнула на его – “здорово, молодцы!” – радостное и крепкое:

“Здравь... жлай... ваш... всок... бродь..!” [12, с. 9].

Важен в этом контексте и такой фрагмент: показана взаимная реакция солдат и командира на успехи роты в стрельбе: «Этот дружный, надежный залп оторвал ротного от окна. Задумчивые синие глаза его блеснули, веселей оглянули роту, ровные гребешки фуражек, свежие молодые лица, точную линию винтовок, – и молча сказали: молодцы!

“Вот эти... не изменят!” – мелькнуло в нем» [12, с. 9]. (Здесь и далее в цитатах курсив мой. – В.З.)

Вот еще пример. Бураев возмущается невежливым обращением своей возлюбленной с его денщиком: «Он честный, верный солдат и предан мне, как друг! Больше, чем... Под пулями носил мне есть, ночи возле меня сидел, когда валялся я в лазарете!.. Если я его иногда ругаю, он знает... и прощает, дружески... и я ему многое прощаю...» [12, с. 90].

Обращает на себя внимание звучание эксплицированного лейтмотива *внесловного единства* армии как необходимого ее основания. А далее этот мотив органически переплетется у Шмелева с ведущим концептуальным лейтмотивом всего его творчества – лейтмотивом *соборности русской жизни*. Это была ключевая для Шмелева мысль, и в тексте множество вариаций на эту тему. Так, Бураев, после неприятного инцидента с грубым семинаристом, с радостью встретил понимание в лице старого швейцара, оказавшегося бывшим солдатом: «Бураев был растроган этой неожиданной встречей. Не мог он равнодушно проходить мимо героев, особенно мимо солдат-героев. “Как знаменательно-то вышло”, – думал он, – только что были хулиганы, молодежь... ни чести, ни отваги, и тут же рядом, старый человек, прямой и верный! И сколько их таких, невидных. Ими и жива Россия, на всех путях... Суворов в сердце, не забыл и тут...» [12, с. 144].

В этом романе главные мысли писателя сосредоточены вокруг армии, – это понятно. Тут много было для Шмелева лично-близкого. Именно в подобных традициях, о которых идет здесь речь, он воспитывал своего единственного сына Сергея, прапорщика артиллерии, воевавшего в окопах Первой мировой. Известны письма отца к сыну по этому поводу.

Весь роман, по сути – панегирик русской армии, в которой виделась Шмелеву и ее кровная связь со своим народом, Россией, и ее единая защитная функция: армия – защитник своей страны, причем, не только от внешних врагов, но и внутренних беспорядков. Бураев совершенно убежден в справедливости охранительных действий. И здесь явственно просматривается позиция писателя, близкая пушкинской, – имея в виду, конечно, «Капитанскую дочку», для которого справедливость действий капитана Миронова и его крепости не вызывали сомнения.

Возвратившись к основному руслу нашего исследования – метатекстовых лейтмотивов в романе, скажем еще об одном лейтмотиве, роднящим роман с рассказом «Лик скрытый». Так, на встрече у учителя Глаголева, где говорили разные люди, Бураева, уже собравшегося уходить, привлек огородник: «Это был высокий, очень сильный человек, с пышными седыми волосами, крепкоскулый, похожий на апостола Петра...» [12, с. 178]. Его речи привлекли Бураева мыслями о Христе, *которого не слышат*. «А вот к нам, бездельникам, все стучится. Ибо есть куда: велики мы, и широки, и глубоки. Но мы все не отворяем. Вот, последнее место осталось Ему на земле. Или отзовемся, и сами в Царствие внидем, и других приведем, или... велит вострубить Архангелу, и Суд начнется. И пойдет новая история, из отсева и остатков.

Вот во что надо ударять России. Но только сие не с Питера пойдет, и не от суетных интеллигентов, а от смиренных и верных установленному от века гласу – «во Имя Мое!» [12, с. 179]. Именно подобные мысли, как мы помним, лежали в основе обращения к христианским идеям капитана Шеметова и прапорщика Сушкина в «Лице скрытом». И мотив «круговой поруки» здесь звучит. Даже фамилия героя романа «Солдаты» Шелеметов отсылает нас к фамилии Шеметова, конечно, не случайно. Эти аллюзии – как бы скрепление Шмелевым его дореволюционных вещей с «нынешними», – вероятно, это необходимо было писателю для утверждения неколебимости его взглядов на существенные вещи с еще далеких лет. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, и соотнесенность романа с рассказом «Въезд в Париж», проанализированная А. Мартыновым [5].

Капитан Бураев, как офицеры из приводимого рассказа, не был отделен от веры слишком по-интеллигентски. Об этом – чуть ниже. Мотив «Савла» звучит в романе в связи с эпизодическим образом рабочего. О нем на встрече у учителя Бураев услышал: «Этот мастер из депо, Пахомов... тоже особенный. Из “савлов”, бывший социалист. Теперь – поговорите с ним... это уж, сам как-то доискался, – “русская основа”!» [12, с. 174]. И этот лейтмотив: *Савл, ставший Павлом*, узнаваем по замечательному рассказу «Блаженные», шедевр шмелевской прозы, написанному в это же время – в 1926 г. Там на подвиг проповеди Евангелия в революционные годы вышел бывший большевик Семен Колючий, который прозрел Истину после спасения из пруда генеральского внука, – как из купели Силоамской.

В небольшом сообщении невозможно охватить все возможные взаимосвязи текста Шмелева с огромным миром его творчества, – это задача будущих исследований. Здесь наметим еще одну очень приметную линию сопряженности шмелевского метатекста дорогими для него лейтмотивами. Это касается *мотива любви, мотива женского начала в жизни*.

Так, капитан Бураев представлен в сложных ситуациях нравственно-го выбора, касающихся его взаимоотношений с разными женщинами. Но во всех перипетиях ведущим его, – именно ведущим по жизни, оказывается образ матери. «В трудные минуты в нем взывало, он кого-то звал, кто мог направить, указать – как нужно. Смутный ли образ мамы? Он не знал» [12, с. 36].

Матери посвящены, пожалуй, одни из самых поэтичных страниц романа. «Сладко цветами пахла синеглазая мама – первая его женщина, святая. Так и осталось в нем: голубые и белые цветы, и в них, как царевна, мама. И перешло это на других, на всех, – благоговение перед **ней** – женщиной. Мама могла сердиться, кричать на папу, кричать несправедливо, но... “она – женщина!” – так всегда говорил отец. И в этом широком и нежном слове слышался аромат цветов» [12, с. 35].

И в женщинах Бураев бессознательно искал идеал, близкий тому, какой являла мать. Например, когда он влюбился в жену своего командира, даются такие его размышления: «Тогда ей было двадцать семь лет, он точно помнил. Был ли влюблен в нее? Больше: он благоговел и любовался. В ней было что-то, напоминало чем-то маму. В ней сливались – и светлый образ мамы, и женщина. От мамы – ласковая нежность, грусть...» [12, с. 145].

Но самое здесь главное: это материнское духовное водительство в жизни, о чем мы уже упомянули, – не только с матерью связанное, а именно с такого рода женским началом, которое более всего ценил в женщине И. Шмелев: одухотворенным, чистым, милосердным. Здесь явно узнаваемы черты Дариньки, которыми писатель «одарит» ее в романе «Пути небесные».

И ситуация Даринька – Виктор Веденгаммер как бы прочерком прописывается в этом произведении, чтобы обрести полноту художественности в последующем романе. Проявляется она в мотиве грехов-

ности: герою необходим был путь духовного очищения, но он до поры до времени проходил мимо его. Это дается в романе буквально «стаккато», – тонко и как бы неприметно для самого героя.

Так, Буреав случайно оказывается в церкви: «И первое, что услышал Буреав, давно не бывавший в церкви, были слова Христа: “встань, возьми одр твой и ходи”. И дальше, в самом конце, услышал: “... не грешни больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже”. Слушал он с удивлением – и отнес к себе.

“Возьми одр твой и ходи”... “Не грешни больше, чтобы не случилось чего хуже!..”

Его умилило это. Показалось, что не случайно вышло, что неожиданно попал сюда. Что это, – знамение?

В “знамения” он верил, хоть и таил это от себя. Верили все в роду» [12, с. 96].

А вскоре, когда он получил телеграмму от Машеньки, воплощавшей его греховную связь, ему подумалось: «Вся “грязь”, чем-то уже прикрытая, опять открылась» [12, с. 116]. И хотя он упорно отметал от себя «знамения», все же ему вновь, к примеру, при монастырском колокольном звоне, «вспомнилась утренняя церковь и возглас – “знамение”: “не грешни больше... случится хуже!”» [12, с. 116].

Мотив *интеллигентского малOVERия*, как мы знаем, беспокоил Шмелева, и отсюда, от этого романа, протянется нить к его позднему рассказу-шедевр «Куликово Поле» (1947), а ранее – к роману «Няня из Москвы» (1933).

Неоконченный роман Шмелева имеет несколько отдельных фрагментов, обособленных от основного корпуса произведения, и один из них называется «Княгиня». По сути, это некое продолжение романа, когда действие переносится на некоторое время вперед. Перед нами уже не капитан, а полковник Буреав, приехавший домой с Первой мировой на костылях. Главное событие этого фрагмента – встреча полковника спустя шестнадцать лет со своей первой любовью – Клэ, ставшей теперь овдовевшей княгиней.

Портрет Клэ, увиденной им в церкви, дан в подробных внешних деталях, но, главным образом, через субъективированное переживание чувства встречи Буреавым, и здесь мастерство Шмелева-художника великолепно. Создается такой эффект, что ради этого описания и написан этот отрывок, – столько он вмещает в себя «шмелевского». Приведем лишь одну фразу: Буреав «уловил все очарование ее движений, усталотомных, сдержанно-скромных, полных укрытой ласки, скрытого в ней... **чего-то**, что называется... женственным... – что встречается редко-редко, что ведет за собой неотразимо» [12, с. 234]. (Выделено автором).

И самое главное: по Шмелеву, это воздействие женственности не самоценно, – оно необычайно много дает герою: «Он почувствовал, как он связан, и как несчастен, и как безумно счастлив... как никогда еще не был счастлив... что счастья он и не знал еще, что получил в этом взгляде **что-то**, безмерное, что теперь он безмерно сильный, и жизнь еще будет, будет... и он принимает **все**, какие бы ни были страдания!» [12, с. 234]. (Выделено автором).

Невольно вспоминается при этом и сюжетная ситуация «Путей небесных», – фрагмент этот концептуально как бы проецирует будущий роман писателя.

Верно замечено А. А. Спиридоновой: «Пленительные образы женщин, которые он создал в своих произведениях – от татарки Нургет в раннем рассказе “Под горами” до Анастасии из “Неупиваемой Чаши”, Паши в “Истории любовной”, Катички из романа “Няня из Москвы” и Дариньки в “Путях небесных” – идеальны и вместе с тем жизненно правдивы. Все они носят в своих душах свет Любви, который порой превращается в Крест. Веря и надеясь, они стойко переносят жизненные трудности, разлуку с любимыми, тяжелые испытания. Шмелев славит женщину, и

особенно русскую женщину, в характере которой жажда дела сочетается с мечтой об идеале» [9, с. 126].

Очевидна здесь и взаимосвязь с философией Вл. Соловьева. Различные грани проявления соловьевского учения в произведениях И. С. Шмелева убедительно раскрыты в трудах А. М. Любомудрова, Н. И. Пак, Н. Н. Примочкиной, Я. О. Дзыгой, другими исследователями [см об этом: 3, 6, 7, 1]. В романе «Солдаты» заметны многие из этих граней. Особенно – собственно шмелевское благоговейное отношение к женщине, которое лежало в истоках его увлечения идеей Вечной Женственности Соловьева [3, с. 208].

Итак, подводя итоги этому небольшому исследованию, заметим следующее. Под пером талантливого художника часто не бывает границы между малыми и большими величинами. Даже фрагмент незаконченного произведения может сказать о многом. А перед нами – значительная часть романа. Романа, вобравшего в себя многие любимые думы писателя, эксплицитно достаточно убедительно высказанные. И при этом на подтекстово-ассоциативном уровне проявляются, выступают многие основные лейтмотивы художественного текста писателя, бывшего ярким представителем нового художественного мышления, в котором явлен неореалистический синтез реализма, импрессионизма, символизма и неповторимой шмелевской экспрессии. Благодаря этому текст Шмелева, – законченный ли, или нет, всегда – онтологически укрупнен, аксиологически значим. Его устремленность к выражению важнейших черт русской духовной ментальности делает его национальным достоянием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзыга Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы: монография. М.: БУКИ ВЕДИ, 2013. 346 с.
2. Кутырина Ю. Шмелев Иван. Солдаты. Предисловие. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shmelyov-ivan/soldati/3>.
3. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 272 с.
4. Мартынов А. К вопросу о структуре романа И.С. Шмелева «Иностранец» // Поэзия русской жизни в творчестве И. С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 377–381.
5. Мартынов А. «Солдаты»: к истории создания романа // И. С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиция и новаторство). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 332–343.
6. Пак Н. И. Древнерусская культура в художественном мире Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева: монография. М.: Среднерусский университет, 2006. 232 с.
7. Примочкина Н. Н. Повесть И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» в литературно-художественном контексте Серебряного века // Наследие И. С. Шмелева: проблемы изучения и издания. Сборник мат. межд. научн. конф. 2003 и 2005 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С.205–215.
8. Репина Т. С. Проза крупных форм И. С. Шмелева конца 1920-х – 1930-х годов: эволюция нравственно-эстетического идеала в свете православного вероучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
9. Спиридонова Л. А. Художественный мир И. С. Шмелева: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.
10. Шешунова С. В. Образ мира в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы»: монография. Дубна: Межд. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2002. 99 с.
11. Шмелев И. С. Лик скрытый // Шмелев И. С. [Избранное] Лик скрытый. Т. 8. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916. 189 с.
12. Шмелев И. С. Солдаты // Из Архива-Музея Ивана Сергеевича Шмелёва, хранимого Ю. А. Кутыриной. Издание Русского научного института при Русской Академической группе в Париже; 1962. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shmelyov-ivan/soldati/3>.